

УДК 303.1

ББК 60.561.6

ПОДГОТОВКА ПОХОРОН (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС)

Левченко И. Е.,

*доцент, канд. филос. н.,
и.о. заведующего кафедрой политических наук
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
ilevchenko08@mail.ru*

THE PREPARATION OF THE FUNERAL (SOCIOLOGICAL EXCURSION)

Levchenko I

*Associate Professor, Cand. philos. m.,
and about. Head of the Department of Political Science
Ural Federal University
the name of the first President of Russia BN Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
ilevchenko08@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматриваются социологические аспекты процесса подготовки похорон. Особое внимание уделяется исследованию комплекса ритуальных, организационных, юридических и экономических вопросов. Проведя танатосоциологические изыскания, автор делает вывод о том, что похоронные обряды призваны решать утилитарные, религиозные и социально-психологические проблемы участников церемоний прощания.

Annotation

The article deals with the sociological aspects of the funeral preparation process. Special attention is paid to the study of the complex of ritual, organizational, legal and economic issues. After tanatosociological surveys, the

author concludes that the funeral rites are designed to solve utilitarian, religious and socio-psychological problems of the participants of the farewell ceremonies.

Ключевые слова: похороны, танатосоциология, подготовка погребения, трансплантация органов, некролог, траур.

Keywords: funeral, thanatosociology, preparation of burial, organ transplantation, obituary, mourning.

Отношение людей к уходу человека из жизни представляет собой сложный феномен. Известно, что уже в архаичном обществе сформировалось двойственное отношение к покойникам. С одной стороны, о них горевали и заботились, с другой – их боялись. По представлениям древнейших *Hominēs sapiētes* трупы угрожали здоровью и самой жизни соплеменников [13, с. 387]. Поэтому изначально обычай избавления от усопшего имеет триединую природу – утилитарную (санитарно-гигиеническую), символическую (сакральную) и психотерапевтическую (утешение).

Ж. Бодрийяр справедливо указывает, что первобытные люди не «натурализовали» смерть, они знали, что смерть (как тело или любое природное событие) является социальным отношением [2, с. 241]. Развитие цивилизации привело к тому, что похороны стали представлять собой ритуальное оформление проводов умершего в пространство смерти, гарантирующее благополучное для живых преодоление границы между ними.

Учитывая характер (многосоставность, линейность, «разновременность» – от прошлой жизни – через настоящее – к будущей загробной) похоронного процесса, можно выделить в нем четыре основные стадии (рис. 1).

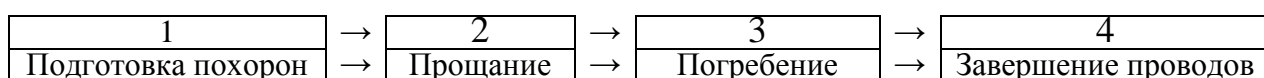

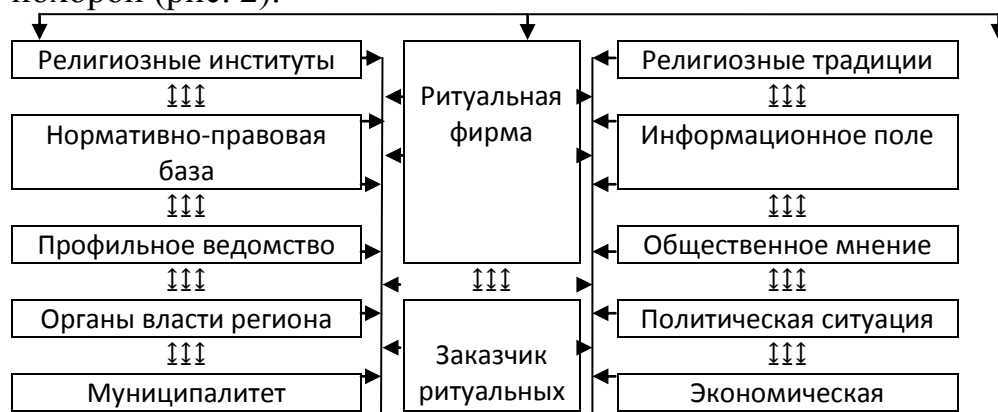
Рис. 1 Процесс похорон

Первая стадия похорон сопряжена с решением комплекса ритуальных, организационных, юридических, экономических и других вопросов.

Следует учитывать, что подготовка к похоронам иногда начинается задолго до самого события - у многих народов сложились обычаи, когда старики заранее шьют погребальную одежду и обувь, изготавливают гроб, собирают средства для проведения прощания. Так, и в наши дни у русских принято откладывать «гробовые деньги» и формировать смертный гардероб (преимущественно - светлых тонов или белого цвета): он хранится в отдельном месте и призван маркировать новый – мёртвый – статус покойного. При этом одежда представляет собой «просто платье, без принадлежности какому-либо стилю, моде и т. д.», она «обезличивает усопшего» [12]. Следовательно, смерть определенным образом «вплетена» в повседневную жизнь части старшего поколения и воспринимается как неизбежное событие, которое надо встретить достойно.

В прошлом (ныне – редко) тело покойного оставалось до похорон в его доме, где его раздевали («нагота означает “натурализацию” человека, своего рода возвращение к исходному, “природному” состоянию до-жизни» [1, с. 108]) и проводили обряды омовения и одевания, символизирующие очищение и готовность к новой жизни. Родные не допускались к их совершению (обычно это осуществляли соседи/односельчане), им предписывалось проведение религиозных ритуалов (в некоторых случаях совместно со священнослужителями), призванных обеспечить перемещение покойника в мир иной (например, об усопшем православном читался канон «Последование по исходе души от тела», а затем Псалтырь). Поэтому не возникало пространственной дистанции между близкими и покойным - они были рядом с ним в последний период его земного существования.

Процесс модернизации коренным образом изменил социальный контекст похорон (рис. 2).

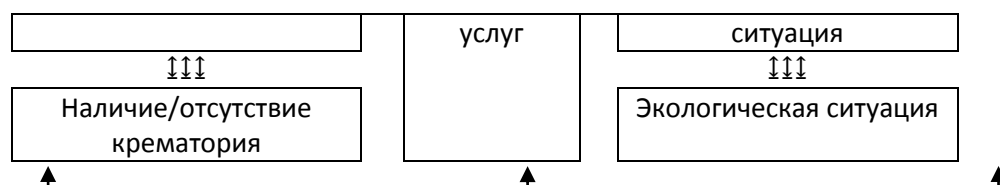

Рис. 2. **Социальный контекст похорон**

В (пост)современном обществе труп достаточно оперативно удаляется из дома и передается на попечение специализированных служб. Поэтому для родных усопшего приоритетным является выполнение светских «формальностей», связанных с регистрацией смерти (рис. 3).

Рис. 3 **Подготовка погребения (светский порядок)**

В России близкие покойного должны предпринять ряд действий, чтобы получить нужные документы и, как правило, заключить договор с ритуальной фирмой об оказании обрядовых похоронных услуг. ГОСТ 32609-2014 «Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения» определяет их как «результат деятельности исполнителя, направленной на удовлетворение потребностей потребителя в проведении обрядовой

церемонии погребения останков человека в соответствии с религиозными, национальными обычаями и традициями», к ним также относятся «ритуальное омовение и облачение, организация прощания и отдание почестей, организация поминальных трапез и т. д.» [3].

Е. Н. Моисеева утверждает: «...организация похорон и приобретение ритуальных товаров и услуг является формой принудительного потребления, от которого невозможно отказаться» [10, с. 7].

Иной взгляд на проблему выражен в статье И. Шмигин и Л. Каннинг [18]. Опираясь на данные 21 полуструктурированных интервью с людьми, потерявшими близких, авторы установили, что при организации похорон респонденты должны были справиться с многогранным структурным контекстом, который включает в себя культурные традиции, социальные ожидания, существующие семейные роли и властные отношения и временную функциональную роль организатора мероприятия. Используя теорию социологической амбивалентности, британские социологи доказали, что оформление похорон включает коммерческий и реляционный выборы, даже если это происходит под влиянием обстоятельств.

В свою очередь полагаем, что вывод Е. Н. Моисеевой излишне категоричен и, по меньшей мере, спорен: во-первых, «следует четко выделить отличие потребностей от необходимости, которая представлена внешними условиями жизнедеятельности <...> социальных субъектов» [9, с. 52], во-вторых, по мнению Э. Фромма, «принудительное потребление компенсирует чувство тревоги у человека. <...> потребность в такого рода потреблении проистекает из чувства внутренней пустоты, безнадежности, растерянности и напряженности. Обладая предметами потребления, индивид успокаивает себя, утверждая, что “он существует”» [14, с. 118], - возникает вопрос, насколько успокаивает потребителя «обладание» похоронными принадлежностями, в-третьих, диалектика взаимосвязи содержания и формы потребления имеет более сложный характер, чем это представляется

исследовательнице, в-четвертых, культурно-историческая обусловленность потребительского поведения в кризисной для индивида ситуации не тождественна принудительности.

Безусловно, организация похорон в значительной степени зависит от статуса покойного и его родственников (коллег, друзей), размера их доходов.

Вместе с тем при подготовке и проведении похорон чаще всего происходит межинституциональное взаимодействие: заказчик, организатор и исполнитель выступают в качестве представителей институтов, задействованных в этом процессе (рис. 4).

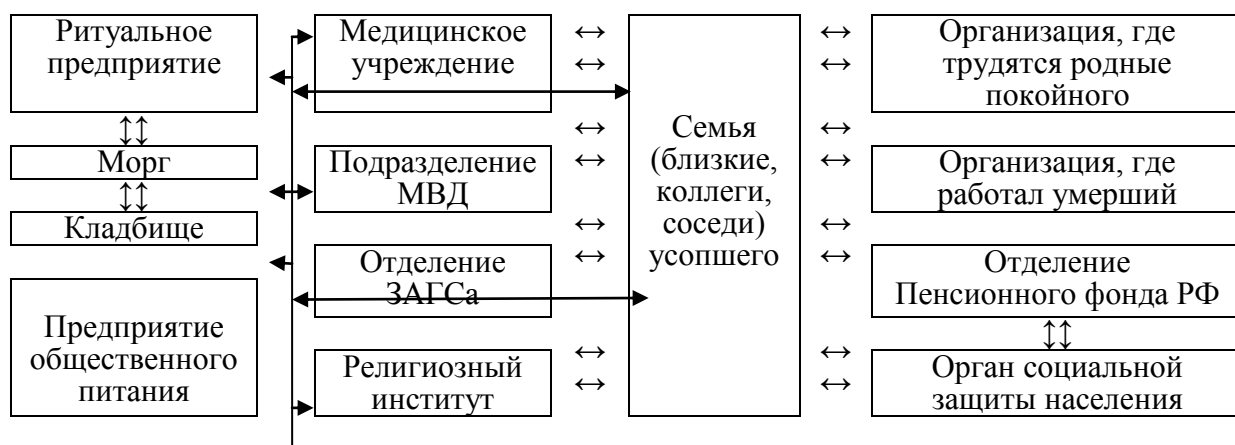

Рис. 4 Похоронный процесс (институциональное измерение)

В связи с утверждением Е. Н. Моисеевой также отметим, что институты (организация, где работал умерший, отделение ПФР, орган социальной защиты населения по месту жительства и др.), уполномоченные выплачивать социальное пособие на погребение, могут выделить лишь определенную законом сумму денег.

Разумеется, нельзя не учитывать, что «моральные деньги», связанные с актом смерти, относятся к особой категории ритуального платежа [6]. Поэтому их расходование конкретным заказчиком услуг зачастую имеет иррациональную мотивацию.

На подготовительной стадии принципиальное значение для общества имеет одно решение гуманитарного характера, право на которое

принадлежит только родственникам усопшего (если иное не оговорено в завещании).

Так, в 1999-2001 гг. шотландский социолог Дж. Хэддоу провела 19 полуструктурированных интервью с членами семей, давших согласие на использование органов тел своих близких (умерших вследствие гибели ствола головного мозга) для трансплантации другим людям. По ее мнению, эти родственники самостоятельно искали, оценивали, интерпретировали и изучали медицинскую информацию, что позволило им принимать собственные решения о судьбах тел своих родных [15].

В условиях совершенствования медицинских технологий и широкого применения трансплантаций человеческих органов следует учитывать ряд выводов, сделанных эдинбургской исследовательницей: 1) трансплантация органов зависит от смерти тела, но смерть не означает прекращения отношений родственников с предыдущим «воплощением» тела близкого человека; 2) большинство респондентов продемонстрировали понимание того, что социальная смерть индивида наступила раньше физической, когда медики подтвердили смерть ствола его головного мозга; 3) зафиксирована текучесть изменений представлений об умирающем и мертвом телах в последние десятилетия, благодаря этому люди стали позитивнее относиться к донорству органов; 4) решение проблемы донорства органов родных побуждает их близких размышлять об уважении к телу покойного, о собственной самоидентификации, о «воплощениях» смерти и посмертном существовании.

В России трансплантации органов применяются значительно реже, что имеет свои причины. Массовый репрезентативный опрос взрослого населения страны (N = 1601 чел.), проведенный в 2012 г. при участии О. Караевой, свидетельствует: 1) об отсутствии достаточных знаний (действующие принципы выражения волеизъявления неизвестны более чем для 75 % респондентов) и размышлений россиян на эту тему; 2) о наличии

предубеждений относительно возможных злоупотреблений врачей и распространенности «черных рынков» органов; 3) о проблеме дефицита солидарности внутри общества, что не создает основы для поддержания механизма функционирования донорской службы [7].

Вместе с тем, подчеркивает О. Караева, «чуть более пятой части населения все же выразили бы согласие на использование своих органов после смерти. Это позволяет предположить, что при создании специальных институциональных условий для регистрирования своего волеизъявления и благоприятного информационного фона доля согласных на завещание своих органов может быть выше» [7].

Таким образом, результаты эмпирических исследований показывают, насколько важно информировать общество, чтобы его члены изменили отношение к жизненно важной проблеме в сторону ее положительного решения.

Возвращаясь к вопросу об обращении с телом при подготовке к похоронам, отметим, что в обычных случаях его перемещение осуществляется по мере необходимости и в зависимости от принятых ритуалов и технических возможностей.

С социологической точки зрения особый интерес представляет коммуникационный аспект подготовки процесса прощания. Извещения о смерти оказывают прямое влияние на количество и состав участников похорон – именно они привлекают внимание сочувствующих и «наблюдательных» современников к кончине той или иной личности.

В XVI-XVII вв. формализация печальных вестей послужила основой для развития жанра некролога. Традиционно некролог - это относительно небольшой мемориальный материал, размещаемый в СМИ в связи со смертью конкретного индивида.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают насыщенность некролога социокультурной информацией. Текст включает обязательные

элементы: обстоятельства смерти человека, его краткую биографию, описание позитивных черт характера, статусных позиций и заслуг, выражение скорби по поводу его кончины. С одной стороны, некролог конструирует «улучшенный» образ усопшего, поэтому вполне правомерна постановка вопроса о мере его достоверности как источника танатосоциологической информации. С другой стороны, нарратив отчасти отражает личность автора, его объективность и иерархию социальных ценностей общества.

Осуществив дискурс-анализ некрологов, специалисты [11; 17] выделили ряд их особенностей: ведущая роль принадлежит персонологической матрице, тексты (вос)производят символический порядок и гендерные стереотипы, используются наборы анонимных клише, типизаций и др.

Как показала практика, не менее результативным является применение контент-анализа. Так, Л. Гэри Лонг изучил содержание 630 некрологов, опубликованных в американских газетах за период 1856-1972 гг. [16]. Он установил, что со временем тексты деперсонализировались: вместо «активных, репрезентативных, партикулярных портретов людей и их жизни» некрологи стали содержать «пассивные, безличные, универсалистские изображения» индивидов.

Основываясь на концепции этоса науки Р. К. Мертона, Н. В. Дёмина провела контент-анализ некрологов и юбилейных статей («недописанных некрологов» в ее терминологии) [4; 5], посвященных отечественным социологам и философам. Она пришла к следующему выводу: если этос науки советских ученых был неразрывно связан с этосом идеологии, ролью ученых как партийных пропагандистов, проводников идей марксизма-ленинизма, то этос современных российских исследователей приближается к классическим нормам академической науки.

Отрадно, что за последние годы видные зарубежные и отечественные социологи, отдавая дань уважения умершим коллегам, опубликовали ряд содержательных некрологов в профильных печатных и Интернет-изданиях (например, Э. Гидденс на смерть У. Бека, Б. З. Докторов - В. Э. Шляпентоха, С. А. Кравченко – З. Баумана и др.). Полагаем, что можно выделить три основные функции некролога: информационную, имиджевую и мемориальную.

Если некрологов удостаиваются далеко не все усопшие, то траур является обязательной частью этикета. Он представляет собой форму внешнего выражения скорби по причине смерти близкого человека, крупного государственного или общественного деятеля, природного бедствия или катастрофы, повлекшей за собою многочисленные жертвы.

Можно согласиться с точкой зрения М. О. Логуновой о том, что «траурный ритуал относится к числу самых консервативных традиций. Он наименее подвержен различным нововведениям, но в то же время является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определенную историческую эпоху» [8, с. 5].

Танатосоциологические источники свидетельствуют о том, что исторически при переходе от родоплеменной общности к современному обществу снижалась степень жесткости норм траура для родных (подчиненных, подданных): 1) суицид; 2) членовредительство; 3) воспрещение на вступление в новый брак; 4) выполнение религиозных ритуалов; 5) ограничения на общение; 6) запрет на участие в развлекательных мероприятиях; 7) отрезание волос; 8) дресс-код, предписывающий носить светлую (или темную) одежду, и др.

Исследователи убедительно показали религиозные корни траурного ритуала, который секуляризировался в процессе модернизации. Траур имеет

определенную продолжительность, предписанную этноконфессиональными обычаями и/или предписаниями государственных (региональных, муниципальных) органов власти (табл. 1).

Таблица 1

Вид траура

№	Вид	Срок	Объекты	Масштаб
1	Краткосрочный	1-3-7 дней	члены семьи, знакомые, соседи, жертвы катастроф, общественные и государственные деятели	семейный, локальный, региональный, общенациональный
2	Повседневный	40 дней	все усопшие	семейный, локальный, общенациональный
3	Обыкновенный	3 месяца	братья, сестры и двоюродные родственники	семейный, локальный
4	Подтраур	4 лунных месяца и 10 дней - полгода	дедушки и бабушки, жена и муж	семейный, локальный
5	Глубокий	год и более	мать и отец	семейный, локальный

На всех уровнях общества траур с помощью аудиовизуальных средств (вокальная и инструментальная музыка, драпировка пространства, атрибутика и т. п.) выполняет ряд важных функций: психотерапевтическую, символическую, мемориальную, дисциплинарную, консолидирующую и др. Обычно преждевременное прекращение траура осуждается социумом.

На наш взгляд, траур трансформирует статус его участников, маргинализирует их: усопший из члена социума становится телом, близкие превращаются в сирот, вдовцов и вдов, остальные выступают в ролях плакальчиков, соболезнующих и др. В конечном счете, траур способствует самоидентификации участников обряда перехода, готовит их к новому этапу собственной жизни в других условиях – без усопшего.

Похоронные обряды необходимы обществу, прежде всего, для того, чтобы «продлить» посмертное (как минимум, социальное) существование

того или иного индивидуума и таким образом спасти социум от возникшей в нем «неопределенности». Поэтому основная часть действий в сфере обращения с умершими может рассматриваться как попытка людей заново утвердить порядок, нарушенный смертью.

Забота об ушедших – святой долг живых перед ними. Нужно объединить усилия общества, религиозных институтов и государства, дабы обеспечить достойное прощание с мёртвыми и их последующий вечный покой.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. М.: «Добросвет», 2000. 387 с.
3. ГОСТ 32609-2014 Услуги бытовые. Услуги ритуальные. Термины и определения [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200111316> (дата обращения: 28.02.2018).
4. Дёмина Н. В. Трансформация этоса российских социологов: контент-анализ некрологов и юбилейных статей в научных социологических журналах 1977-2007 гг. // Социология вчера, сегодня, завтра: Вторые социологические чтения памяти В. Б. Голофаства. Сб. статей. СПб., 2008. С. 89-100.
5. Она же. Этос российской философии 2002-2006 гг.: контент-анализ некрологов и юбилейных статей // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 1. С. 33-39.
6. Зелизер В. Создание множественных денег [Электронный ресурс] // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. URL: http://www.ru-90.ru/attachments/Vokov_neform_silov_str.pdf (дата обращения: 28.02.2018).
7. Караева О. Донорство органов: проблемы и перспективы в России [Электронный ресурс]. М., 2013. URL: http://www.levada.ru/old/sites/default/files/otchet_donorstvo_organov_v_rossii_levada-centr.pdf (дата обращения: 28.02.2018).

8. Логунова М. О. Печальные ритуалы императорской России. М.: Центрполиграф, 2011. 270 с.
9. Меренков А. В. Система детерминации человеческой деятельности. Екатеринбург: Изд-во Урал. горно-геол. акад., Банк культурной информации, 2003. 229 с.
10. Моисеева Е. Н. Экономико-социологический анализ рынка ритуальных услуг в России: дис. ...канд. соц. наук: 22.00.03. М., 2013. 196 с.
11. Орлова Г. А. Биография (при)смерти: заметки о советском политическом некрологе [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/or11-pr.html> (дата обращения: 28.02.2018).
12. Проснина С. В. Смертная одежда русских // Традиционная культура. 2011. № 4. С. 104-114.
13. Семёнов Ю. И. Становление человеческого общества // История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983. С. 293-420.
14. Фромм Э. Революция надежды. О гуманизации технологического общества. Избавление от иллюзий / Пер. с англ. М.: Айрис Пресс, 2005. 344 с.
15. Haddow G. The phenomenology of death, embodiment and organ transplantation // Sociology of Health & Illness. 2005. Vol. 27. No. 1. P. 92–113.
16. Long Gary L. Organizations and Identity: Obituaries 1856-1972 // Social Forces. 1987. Vol. 65. No. 4. P. 964-1001.
17. Radtke H. L., Hunter M., Stam H. J. In memoriam as in life: Gender and psychology in the obituaries of eminent psychologists [Электронный ресурс] // Canadian Psychology. 2000. Vol. 41. P. 213-229. URL: http://people.ucalgary.ca/~stam/pdf/In_Memoriam.pdf (дата обращения: 28.02.2018).
18. Szmigin I., Canning L. [Sociological Ambivalence and Funeral Consumption](#) // Sociology. 2015. Aug. № 49 (4). P. 748–763.